

Шкаев Д.Г.

**ФИННО-УГОРСКАЯ ГИПОТЕЗА ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА:
К ВОПРОСУ О ВАРЯГАХ, СЛОВЕНАХ,
РУСИ И РЮРИКОВИЧАХ¹**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, dmitrsky@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена демонтажу некоторых стереотипов так называемой норманнской и славянской теорий относительно возникновения древнерусского государства как полиэтнокультурного образования и вкратце описывает элементы нового подхода, который, с точки зрения автора, следует рассматривать как третью гипотезу. В статье по-новому разрешаются вопросы возникновения понятия «варяги», таких этнонимов, как русь и словене, а также имен первых русских князей: Рюрик, Синеус и Трувор.

Ключевые слова: варяги; русы; финно-угры; славяне; словене; новгородцы; Рюриковичи; Русь.

Поступила: 10.06.2019

Принята к печати: 19.07.2019

Shkaev D.G.

**Finno-Ugric theory of the ancient Russian state origins:
On the issue of Varangians, Slovenes, Russ and Rurikids**
*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, dmitrsky@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the deconstruction of some stereotypes from so called Norseman and Slavic theories on the Russian state origins as a polyethnocultural

¹ © Д.Г. Шкаев, 2019

formation. It briefly describes the elements of the new approach which should be considered a third theory. The paper offers new solutions to the issue of the origins of the terms «Varangians», «Russ», «Slovenes» and names of the first Russian princes Rurik, Sineus and Truvor.

Keywords: Varangians; Russes; Finno-Ugres; Slavians; Slovenes; Novgorodians; Rurikids; Russ.

Received: 10.06.2019

Accepted: 19.07.2019

В эпоху цифровых данных весьма архаичным инструментом выглядит анализ обрывочных сведений из источников туманного происхождения, авторов которых и в прежние времена скорее называли бы писателями, нежели хронистами в прямом смысле этого слова. Даже в огромном массиве современной информации непременно обнаруживается совокупность ошибок и неточностей, неверных переводов и транслитераций, элементарных сбоев копирования. Невзирая на то, что эти данные подлежат верификации путем сопоставления с корпусом других материалов, ошибки продолжают возникать и распространяться в Сети.

Апеллируя же к древним источникам, мы практически лишены возможностей компаративистики: несколько схожих фраз в разнородных текстах тысячелетней давности не смогут удовлетворить интерес ученого и тем более доказать его позицию. Впрочем, именно такой метод зачастую применяют те исследователи, что придерживаются одной из версий происхождения древнерусского государства: славянской или норманнской. Обе гипотезы представляются нам односторонними и ошибочными, и останавливаться на них не имеет смысла, — они слишком известны, в отличие, например, от кельтской, вагрийской или даже кавказской версий, столь же экзотических, впрочем, сколь и маловероятных. Однако прежде чем излагать собственный взгляд, попытаемся инструментально и терминологически ограничить ареал исследования.

В настоящей статье предлагается разрешить ряд исторических загадок, связанных с такими понятиями, как варяги, словене, русь и первые Рюриковичи. Методами, которые попытаемся использовать мы, станут политология, конфликтология, экономика, язык, а также элементарная логика и здравый смысл. Именно они в итоге сформируют стройную финно-угорскую версию происхождения древнерусского государства, которую еще предстоит развивать и научно обосновывать. Отдельно хотелось бы отметить, что настоящее

исследование не является по своей сути лингвистическим или историко-археологическим, а носит гипотетический характер. Впрочем, отдельные его положения вполне способны вызвать новую волну научных изысканий.

Хотя финно-угорские этносы сыграли существенную роль в истории нашей страны, Россия была и остается государством многонациональным и мультикультурным. Излагая собственную точку зрения, мы стремимся продемонстрировать полиэтнический характер древнерусской государственности, мультиязычную среду и политико-экономический конгломерат, формировавшийся в условиях Древнего Новгорода.

Разумеется, термин «государство» мы применяем в весьма условном значении: с нашей точки зрения, во времена Рюрика на землях от Балтики до Каспия можно было встретить преимущественно племенные союзы с условными городами-государствами, пытавшимися контролировать подданные земли с помощью дружин и торговых форпостов. Поэтому довольно странным выглядит решение новгородского веча¹ поручить этот контроль (а именно таковым был функционал князя) постороннему человеку из «варягов», которых, если верить «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), еще недавно считали врагами: *«Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“»*². История знает немало случаев, когда наемники обращали оружие против своего господина, но ни одного, когда в условиях межплеменной распри (а именно так следует понимать «род» в данном контексте) сделавшие себе состояние на торговле горожане единодушно приглашали вчерашних грабителей, отдавая им на откуп военные вопросы, судебную власть и финансовые потоки.

Собственно, ошибка кроется в самом тексте ПВЛ. Академик Б.А. Рыбаков справедливо замечает, что часть хроники не является оригинальным текстом, а в ее основе, помимо новгородской и киевской летописей, лежит более старый, пока неизвестный источник.

¹ Речь идет о предположительной форме правления в государственном образовании около 862 г., которое здесь и далее мы будем именовать Новгородом или Новгородской республикой.

² Здесь и далее – перевод Д.С. Лихачева [Лихачев, 1996].

Возможно, скандинавского происхождения. А возможно, некий документ времен первых Рюриковичей. Многократное копирование первоисточников, дополнения и исправления, попытки транслитерации привели к тому, что в ПВЛ «варягами» стали именоваться две совершенно разные этнические группы, названия которых были транслитерированы на язык хрониста или переписчика фонетически созвучно. Подобная путаница не раз происходила в процессе копирования и редактирования средневековых рукописей, и ПВЛ не исключение.

Мы придерживаемся той точки зрения, что в ПВЛ слово «варяги» имеет двоякое происхождение: греко-византийское (так называемый «фаранги» или «варанги» по В.Г. Васильевскому) и, собственно, оригинальное, северное. На первый взгляд, было бы логично предположить скандинавское происхождение слова, и здесь на помощь приходит целая группа слов и выражений из древнескандинавских диалектов, которые так или иначе переводят понятие «варяги»: воины, враги, волки и т.п. Но необходимо учитывать, что слова обычно заимствуются, когда не существует их аналога, либо когда значение в родном языке столь длинно, что проще использовать иностранный аналог. «Сити-менеджер», «джетлаг», «мессенджер» – заимствования нашего времени. Но трудно представить, что жителям Новгорода была необходима замена таким простым понятиям, как «враги» или «воины». Единственным разумным вариантом остается название некоего племени или группы людей. Широко известный пример: «немцами» на Руси называли всех, кто не говорил по-русски, т.е. был нем.

Однако в этом случае мы сталкиваемся с явным противоречием тексту ПВЛ: *«Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти»*. Возможно, варяги – не этноним, а обозначение принадлежности к некому роду деятельности. Если брать в расчет скандинавскую (условно негативную) интерпретацию слова «варяги», невозможно понять логику новгородцев, собственноручно отдающих себя под власть недавних противников – викингов, как полагает большинство: *«Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей»*.

Судя по всему, Новгород времен Рюрика представлял собой многонациональное образование, и этим конгломератом племен управлял совет, состоявший из представителей четырех этносов:

чуди (эстов и карелов), словен (северных славян), веси (вепсов) и кривичей (восточных славян). Обратите внимание, что в контексте призвания варягов ПВЛ не только разделяет понятия «словене» и «кривичи», но наряду с чудью и весью вводит этноним «русь»: *«Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”»*. Таким образом, для летописца это различные народы, тем более что ранее *«...приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом»*.

Налицо – путаница, которая возникла в тот момент, когда понятия «Русь», «русский», «славяне» уже прочно обрели свое место в сознании и лексиконе, но в первоисточниках ПВЛ, гораздо более ранних, все еще различались, т.к. *«...когда начал царствовать [болгарский царь] Михаил, стала прозываться Русская земля»*. Также одно из самых ранних упоминаний о славянах и русах (отдельно) мы встречаем в «Книге путей и государств» начальника почт северной Персии ибн Хордадбега, написанной еще до прихода Рюрика. В любом случае нам следует уверенно развести русь (как племя) и славян (как этнос), а также отличать словен (новгородцев) от собственно славян.

Прежде всего, «русь» как этноним фонетически ближе к названиям, которые новгородцы давали финно-угорским племенам, транслитерируя этнонимы: весь, чудь, водь, сумь, ямь. Археология, этнография и топонимика Русского Севера уверенно говорят о длительном и значительном влиянии финно-угров на мигрирующие группы славян. Учитывая продуманный характер действий жителей Новгорода и их мультинациональный состав с явным историческим преобладанием финно-угорского этноса, можно предположить, что русь – это транслитерация финно-угорского этнонима, представители которого, родственного как минимум половине городского населения, и были приглашены новгородцами. Никаких противоречий эта версия не вызывает. Однако любимая норманистами ассоциация с финским «Ruotsi» («Швеция») не столь очевидна, как, например, созвучие с «ruis» («ржаной»), «ruosteinen» («ржавый») или «ruskea» («карий»). Такое название может указывать на этническую черту: цвет волос, глаз или одежды, что в достаточной степени логично, чтобы быть принятым в качестве гипотезы.

Иными словами, русь предстает перед нами малочисленным финно-угорским племенем (предположительно – шатенов или карглазых), родственным новгородской чуди (этническим эстам, по мнению Б.А. Рыбакова) и, если опираться на текст ПВЛ, проживавшим «за морем» до переселения в Новгород. По всей вероятности, речь идет о небольшой группе финно-угорских племен, которые в период становления древнерусского государства обитали на южном побережье Балтики (возможно, на территории современной Эстонии), но были вынуждены мигрировать под давлением соседей (предположительно, в район Карельского перешейка, хотя археологически подтвердить это пока не удается). Вышеприведенная гипотеза могла бы объяснить, почему целое племя внезапно покинуло насиженные места, а новгородцы так легко приняли помощь извне. Однако если верить ПВЛ, русь также являлась и варягами...

Мы не располагаем археологическими тому подтверждениями, но допускаем, что в древнем Новгороде существовал особый *устный* межъязыковой диалект, наподобие эсперанто или языка карибских пиратов, который использовался для торговли с Югом и Севером, некое синтетическое наречие новгородских торговцев, контролировавших ключевые точки на карте пути «из варяг в греки». Не случайно приглашенные Рюрик, Синеус и Трувор занимают именно форпосты на трех ветках древнего торгового пути: Ладогу, Изборск и Белоозеро. В любом случае в таком конгломерате, как Новгород, своего рода предвестнике и последующем участнике Ганзейского союза, должны были существовать профессиональные объединения, использующие особый сленг, в котором и могли возникнуть иноязычные заимствования.

Наше предположение кажется менее невероятным, если обратить внимание на существующий до сих пор «поморский говор» («поморьска говорья») с большим количеством архаизмов и заимствований из финно-угорских и скандинавских языков. Исторически носителями поморского говора выступали поморы (этнические русские и финно-угры) Архангельской, отчасти Олонецкой и Вологодской губерний. Лингвисты отмечают, что в поморском говоре чувствуется сильное влияние новгородских наречий.

Древненовгородский торговый сленг, если он действительно существовал, мог состоять из смеси славянских и финно-угорских слов, с некоторой долей скандинавских или прибалтийских выра-

жений. Финское слово «varakas» переводится как «богатый», «зажиточный». Прослеживается этимологическая связь с «gikas» (см. ниже). С той или иной степенью вероятности мы можем интерпретировать слово «варяги» (вараки?) как производное от некоего финно-угорского слова, которое родственно финскому «varakas», а, следовательно, обозначает скорее не морских разбойников, но купцов.

ПВЛ не уточняет размер податей варягам, зато говорит о хазарах гораздо подробнее — им шел доход («от дыма» (от дома). Похоже, что дань, которую новгородцы ранее платили варягам — не аналог полдюды, а скорее плата за пользование торговыми путями, желая контролировать которые, Новгород вытесняет чужеземных купцов-варягов за море и приглашает родственное племя для размещения в торговых форпостах в Ладоге, Белоозере и Изборске.

В этих действиях прослеживается экономическая и социальная логика. Новгородской республике было необходимо заселить новые территории и укрепиться на них, для чего им понадобились умелые торговцы, родственные патронам и свободные от собственных земель — те самые «варяги-русь». Безусловно, в современных словарях финно-угорских языков встречается слово «varjag», а в английском используется византийский вариант «varangian». Однако вероятнее всего, эти слова — лишь заимствования, произошедшие в эпоху историографической глобализации.

Примечательно, что традиционно финно-угорские народы именовали русских словами с корнем «ven» и лишь в последние столетия под влиянием русскоязычных источников начали использовать синоним с корнем «gyss». Разумеется, сторонники славянской теории предпочтут связать «ven» с вендами (немецкое собирательное «wenden») и, возможно, будут правы. Любопытно, например, что в эстонском языке «vene» означает «русский», а с финского это же слово переводится как «лодка». Судя по всему, и эстонское «slaavlane» («славянин») также является более поздним заимствованием.

На финском «soutuvene» означает гребную лодку. Следующее предположение не является этимологически безупречным, однако рискуем выдвинуть версию (и подчеркнуть, что это ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ВАРИАНТОВ), что сопоставив два финских слова «suola» и «vene», мы получаем сочетание, по фонетике стоящее довольно близко к понятию «словене» из ПВЛ. По смыслу

данное выражение может быть переведено как «лодка, перевозящая соль». Соль была одним из ключевых лотов новгородской торговли, и купцы, привозившие ее, обладали теми самыми лодками, а значит, могли именоваться именно так или приблизительно так. Если в ПВЛ просматривается очередная путаница имен и названий, то словене – еще один этноним финно-угорского происхождения, вероятно, не связанный со славянами (склавинами). Впрочем, в данном случае мы можем лишь строить предположения, одним из которых будет этническая взаимосвязь тех самых новгородских «словен» и беломорских поморов.

В рамках языческой традиции, скрываясь от неудачи и дурного глаза, путешествующие «из варяг в греки» воины и торговцы предпочитали пользоваться так называемыми «дорожными» именами или прозвищами, удобно звучащими на общепринятом диалекте. Тогда в свете всего вышесказанного представляется, что Рюрик, Синеус и Трувор – не настоящие имена, как и полагал академик Б.А. Рыбаков (однако и не лингвистический казус, что было убедительно доказано Е.А. Мельниковой), а прозвища купцов из некоего прибалтийско-финского племени с названием «русь».

На деле достаточно провести несколько параллелей с финно-угорскими языками (и норвежским – для демонстрации возможных корреляций), чтобы пунктирно выявить довольно прозаичное происхождение имен или, точнее, прозвищ полулегендарных братьев:

Таблица 1

Эстонский язык		
Рюрик	rüü rikas	вариативно «богатый наряд»
Синеус	siinne uus	вариативно «местный новичок»
Трувор	truu võõras	вариативно «верный чужак»

Таблица 2

Вепский язык		
Рюрик	rug[...]	вариативно «ржаной ...»
Синеус	sihine uz'	вариативно «тамошний новичок»
Трувор	[...]veraz	вариативно «...чужеземец»

Таблица 3

Восточно-саамский язык		
Рюрик	юрт / ярр рёкъ	вариативно «мыслящий / яростный враг»
Синеус	сын удць	вариативно «их маленький»
Трувор	туарр / [...] вырс	вариативно «война», «военный» / ... «свежий» («пришлый»)

Таблица 4

Норвежский язык		
Рюрик	rye rik	вариативно «ржаной богатый»
Синеус	sine uus	вариативно «их новый»
Трувор	tro fersk	вариативно «верящий недавний»

Как видно из таблицы языковых сравнений, максимально созвучно именам (прозвищам) Рюрика, Синеуса и Трувора звучат слова эстонского языка. Разумеется, необходимо учитывать, что настоящий анализ не носит глубоко лингвистический характер, а ориентирован, прежде всего, на оценку потенциала финно-угорской, балтской, германо-скандинавской языковой компаративистики при расшифровке вышеупомянутых имен (прозвищ).

В данном случае даже поверхностный анализ показывает, что простая переоценка языковой подоплеки приводит к новым выводам. Но давайте обратимся к историческим аналогиям. Известные личности всегда обладали звучными прозвищами, которые чаще всего им присваивали современники либо потомки. Однако те клички, которыми пользовались сами их обладатели, очевидно, содержали в себе не квинтэссенцию народного юмора или лести окружающих. Сегодня многие исследователи согласны, что возникновению фамилий мы зачастую обязаны прозвищам предков. Простая логика подсказывает, что если мы видим в именах Рюрика, Синеуса и Трувора прозвища в классическом понимании (а не псевдонимы), то искать их происхождение необходимо не в Скандинавии или Северной Германии, а в истории новгородской земли.

Что же касается древнерусских князей, еще достаточно длительное время после крещения Руси правители носили двойные имена: духовное, данное на обряде крещения, и мирское, с языческими корнями. Сегодня обратный процесс мы можем наблюдать в ходе приобщения мирянина к духовному сану – отказ от мирского имени в пользу духовного. Разумеется, до времени Владимира Святого в основном использовались языческие имена, которые сами по себе напоминали прозвища, по причине чего звучали порой весьма уникально. Например, смысл имени с явно славянской этимологией Святогор до сих пор вызывает споры.

Необходимо также отметить, что для финно-угорских племен, как и любых народностей с мифологическим мировоззре-

нием, случайное раскрытие истинного, внутреннего имени грозило большими рисками магического характера.

Возвращаясь к вышеизложенному, напомним, что на Русском Севере археологами было обнаружено немало захоронений купцов X–XI вв. В этот (и, соответственно, в более ранний) период в роли купца выступал воин-дружинник, хорошо одетый и вооруженный. Такие купцы (вараки) могли и совершали не только торговые операции, но и грабительские набеги. Позднее сословия все же диссоциируют, но в эпоху Рюрика дела обстояли таким образом: варак (варяг) в отличие от обычного воина имел возможность торговать и успешно этим занимался.

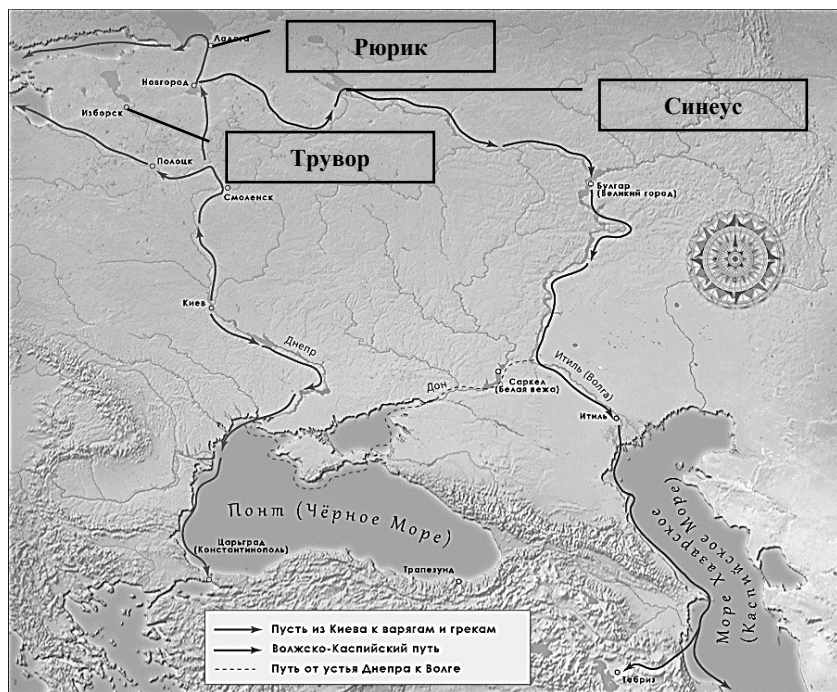

Рис. 1.
Торговые пути IX в. на территории Евразии

Попробуем рассуждать в духе экономической экспансии периода древнего Новгорода. Закрепившись в Изборске, Тривор

(предположительно – «Верный чужеземец») контролировал торговлю через земли кривичей и ближе всего располагался к предполагаемой родине предков. Синеус (предположительно – «Свой новичок») в Белоозере управлял форпостом в начале Волжско-Каспийского торгового пути, проходившего по территории веси (вепсов). Рюрик (предположительно – «Богато одетый»), разместившись в Ладоге, держал под контролем основную ветку «из варяг в греки», а впоследствии централизовал власть и перебрался в Новгород, или, вернее всего, в так называемое Рюриково городище. Новгород успешно вытеснял конкурентов за пределы древнерусского «золотого треугольника» торговых путей. Остается предположить, что мотивом послужило давление со стороны северных и южных соседей, с которыми предстояло разобраться потомкам Рюрика.

Растущие политические амбиции Рюрика и локальные межэтнические конфликты, несомненно, отражает легенда о восстании Вадима Храброго (история, возможно, искаженная и на деле характерная для любого правителя и периода). Свою роль, однако, играют внезапная и скоропостижная кончина Синеуса и Трувора, усиление Олега (Хельги). Впрочем, эти и другие несомненно важные вопросы остаются за рамками настоящей статьи.

Возможно, что необычные имена или прозвища были даны братьям гораздо позже и всего лишь отразили характер их взаимоотношений с местным населением, но поверхностный языковой анализ, скорее, говорит о едином происхождении составных имен (прозвищ) Рюрика, Синеуса и Трувора. Однако вполне вероятно, что, как и сама новгородская коалиция, «дом и дружина» Рюрика состояли из представителей разных этносов, которые во время длительных морских переходов и сражений проходили обряд братания и впоследствии именовались «названными» братьями.

Следуя нашей логике, можно также предположить, что Рюрик, Синеус и Трувор являлись и вовсе выходцами из двух или трех различных этнических групп: финно-угорской, славянской и, возможно, скандинавской, что дает иное понимание их взаимоотношений и географических интересов при выборе места правления. Такая гипотеза также имеет право на существование и не отменяет версии о происхождении самого Рюрика.

Во всяком случае, доподлинно установить национальность каждого из легендарной троицы уже не представляется возмож-

ным. Однако, судя по некоторым источникам, Рюрик, возможно, был женат на норвежской принцессе, сестре того самого Хельги (Олега Вещего), биография и имя которого совершенно точно указывают на скандинавское происхождение части рюриковой дружины. Поэтому наиболее разумным выводом было бы признание мультикультурного и полиэтничного базиса древнерусского государства, в котором наибольшую роль сыграл новгородский союз славян и финно-угров.

Список литературы

- Eesti-vene sonaraamat. Эстонско-русский словарь. – Таллинн: Валгус, 1986. – 760 с.
Norsk-russisk ordbok. Норвежско-русский словарь. – М.: ГИИИНС, 1963. – 1214 с.
Древняя Русь. Город, замок, село / ред. Рыбаков Б.А. – М.: Наука, 1985. – 429 с.
История культуры Древней Руси / ред. Греков Б.Д., Артамонов М.И. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 483 с.
Новый русско-вепский словарь = Uz' venä-vepsläine vajehnik. – Петрозаводск: Периодика, 2007. – 520 с.
Повесть временных лет / пер. Лихачев Д.С. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.
Рыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.: АиФ Принт, 2004. – 448 с.
Самь-Рушш соагкнѣхк = Саамско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 568 с.
Финско-русский и русско-финский словарь. – М.: Дрофа, 2010. – 720 с.

References

- Eesti-vene sonaraamat. Estonsko-russkij slovar'. (1986). Tallinn: Valgus.
Norsk-russisk ordbok. Norvezhsko-russkij slovar'. (1963). Moscow: GIIINS.
Rybakov, B.A. (Eds.). (1985). Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo.
Grekov B.D. (Eds.). (1951). Istoriya kul'tury Drevnej Rusi Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
Novyj russko-vepskij slovar'. Uz' venä-vepsläine vajehnik. (2007). Petrozavodsk: Periodika.
Lihachev, D.S. (Transl.). (1996). Povest' vremennyh let. Saint Petersburg: Nauka.
Rybakov, B.A. (2004). Rozhdenie Rusi. Moscow: AiF Print.
Sam'-Rushsh soagknehhk. Saamsko-russkij slovar'. (1985). Moscow: Russkij yazyk.
Finsko-russkij i russko-finskij slovar'. (2010). Moscow: Drofa.